

ЖИЗНЬ АРТИСТА

Ирина АЛПАТОВА

Эту фразу Алла Демидова повторяет часто. И еще: "Московский зритель перестал меня любить". Это, впрочем, неправда. Просто для столичной публики Демидова сегодня — актриса-миф. На живые еще воспоминания о прежней легендарной Таганке накладываются смутные отголоски нынешних слухов: у нее какой-то свой театр, она что-то и где-то играет, но "за морем, за океаном". На московской сцене в последний раз Демидову видели почти два года назад — в единственном спектакле "Медея", показанном в рамках Чеховского фестиваля.

Так что же все-таки происходит на самом деле? Актёрская судьба Аллы Демидовой парадоксальна. Кто-то скажет — трагичная, кто-то — счастливая, это как посмотреть. Судите сами: тридцатилетняя актёрская покорность довольно-таки деспотичному и жесткому организму, каким была любимовская Таганка, — и одновременно острое ощущение "не своего" театра. Мощност, но однообразие "нот" и красок, за пределы которых постоянно хотелось вырваться. Упрямое подчинение части (индивидуальности!) целому. "Таганка, я твой бессменный арестант...". "Выделиться" позволялось разве что Высоцкому. Но Демидова все равно была чуточку над, вне, вопреки — чем-то неуловимым, взглядом ли, интонацией, жестом, при полной аполитичности и отсутствии бойцовских качеств, неприменных для таганских актёров. И, ломая себя (до физической болезни, по ее признанию), упрямо училась ценить то, что было: непопадание в репертуар Таганки пошлых советских пьес, точные режиссерские замечания Любимова, сдиравшие с актёра все наносное, фальшивое. И редкую работу с Эфро-

сом, который казался тем самым, "своим". Но у него была другая актриса — Ольга Яковлева.

Таганский кризис — тематики, стиля, языка, а вернее, конец целой театраль-

ной эпохи, намертво слитой со временем и определенной политической ситуацией. — Демидова, кажется, ощутила раньше многих. И заметно отстранилась. Таганка агонизировала, дели-

лась, враждовала — Демидова держала дистанцию. Не уходила, продолжая играть в старых спектаклях и репетировать новые ("Электру", например). Но отдавалась целиком, вероятно, одной лишь цветаевской "Федре", поставленной Романом Виктюком в абсолютно иной манере. Когда же гастрольно-фестивальный успех этого "чужого" спектакля стал заметно раздражать руководство театра, она, сторонясь скандалов, решила на разрыв. Спокойный и деликатно-компромиссный: ушла в длительный отпуск без сохранения содержания. А любимую "Федру", используя прежние познания (как-никак, диплом экономического факультета МГУ), выкупила с помощью западных гонораров. С этого, в общем-то, и начался ее театр "А". Да что там театр — другая жизнь.

Она была одной из первых, кто рискнул броситься в неведомое в одиночку. Речь не только о создании собственного театра. Пожалуй, единственная из актёров Таганки Демидова отважилась на преодоление "таганского синдрома" и почти слепо, на ощупь от правилась на поиски нового театрального языка. Нового не в глобальном смысле, но не знакомого ей, воспитанной в жестких традициях социального театра, театра слова и смысла. Ее следующий самостоятельный шаг — постановка "Квартета" Х.Мюллера в режиссуре Т.Терзопулоса — был сделан с отчаянной раскрепощенностью подростка, которому строгие родители, уезжая в командировку, предоставили желанную и отчасти пугающую свободу. Эпатирующая открытость текста, змеиная пластика мизансцен, странная двуполость игровых персонажей — все это изрядно шокировало публику, особенно по контрасту с "привычной" Демидовой.

А тут еще организационные проблемы, где тоже приходилось идти на ощупь. Она сама нашла Терзопулоса и уговорила его приехать в Москву, на свои деньги оплатив квартиру, аренду помещения и услуги переводчика. И вновь сносила режиссерский деспотизм, проглатывала окрики, прекрасно понимая, что это неизбежно, что режиссер всегда "сверху". И вообще, это он — звезда по западным меркам, а она — всего лишь никому не известная русская актриса. Выход один — терпеть и молчать, сжимая кулаки. И еще — надеть темные очки, чтобы глаза не выдавали. При всем том, что с Терзопулосом у них все-таки существует единение и понимание. И будут, вероятно, новые работы.

Театр "А" — явление тоже почти мифическое и парадоксальное. От государственной поддержки (кстати, не менее мифической) Демидова сознательно отказалась, справедливо полагая, что будет связана рядом абсолютных ненужных ей обязательств, в частности, с содержанием "аппарата". Нет и постоянных спонсоров, материальная же поддержка обычно бывает разовой и достаточно случайной. Она сама ведет деловые переговоры и оформляет визы, покупает билеты и выплачивает гонорары, рассчитывает налоги и... играет, естественно. Хотя в репертуаре всего два спектакля — "Квартет" и "Медея" в постановке того же Терзопулоса.

Демидову сегодня частенько обвиняют в западничестве. Мол, все Парижи, Нью-Йорки и Барселоны, а почему бы и наших зрителей не осчастливить своим присутствием? Она сама объясняет это так: в России без спонсоров играть нереально, дорого — аренда, авторские отчисления и т.п. К тому же, будем объективны, спектакли театра

"А" отнюдь не годятся для широкомасштабного зрительского "чеса" по российской глубинке. Потому что это вещи отчасти экспериментальные и уж во всяком случае элитарные. Актриса рассказывает историю, не столь давно приключившуюся с ней в Алма-Ате. Идет сложнейший спектакль "Медея". Зал полон, во время действия — тишина, значит — все нормально. Финал... и слабые-слабые аплодисменты. Странно, думает актриса, все так хорошо начиналось. А публика, оказывается, вовсе не собиралась уходить, а упорно ждала второго акта, которого в "Медеи" нет. И не дождавшись, ринулась в кассу с требованием вернуть деньги за билеты, потому что таких коротких спектаклей (час с небольшим) не бывает. В общем, разразился скандал, а Демидову попросили спасти положение и на следующий день спектакль "продолжить". И вот, отыграв финальный монолог, она отошла в глубь сцены, заранее попросив изменить освещение, и... прочла весь текст "Медеи" еще раз, как стихи. После чего и раздалась, наконец, крики "Браво!" Актриса же оставила в своей записной книжке категоричное: "Дальше Урала — ни ногой".

Она пыталась, правда, каким-то косвенным образом поделиться с российским зрителем своими зарубежными впечатлениями от фестивалей, гастролей. Вместе с режиссером И.Масленниковым сделала девять телепередач, которые были предложены различным отечественным телекомпаниям. Их никто не купил, а на ОРТ, по ее словам, так и вовсе заявили: ну, если бы это Алена Алина рассказывала, то другое дело. Впрочем, канал "Культура" и рад бы купить, да денег нет.

В общем, дальнейшие планы актрисы, увы, по-прежнему связаны с зару-

бежем, на сегодняшний день, в частности, с Южной Америкой, где весной будут играть спектакли театра "А" и проходить педагогические мастер-классы с ее участием. Есть и новый проект, который профинансируют японцы, режиссером останется Терзопулос, а задействованы будут мастера пекинской оперы. Увидят ли это в России?

Но есть и еще один момент, который, безусловно, тревожит сегодня и саму Демидову, и тех, кто об этом знает. Несмотря на все планы, проекты и сохранившийся азарт, она все чаще повторяет странные фразы: "Я не люблю играть", "Я не хочу играть". Что это? Усталость, разочарованность в профессии, возраст, наконец? Наверное, всего понемногу, плюс все то же навязчивое ощущение конца "старого театра". Не только в России — везде. И она понимает, что новый, неизвестный, непонятный будут создавать другие, молодые, которые безжалостно отринут прежний опыт и прежних "творцов". Сдержанная интеллектуалка Демидова признается в том, что ей безумно нравятся хулиганские опыты, скажем, Ивана Охлобыстина и Михаила Ефремова. И полагает, что сегодня нужны буффоны, Актёры Актёрычи, а сценический реализм — это плоско и скучно. Сама же, чтобы не потерять формы, день за днем играет в "театр для себя" — мысленно выходит на сцену в старых любимых ролях (Раневская, например), каждый раз по-новому. Когда же кому-нибудь об этом рассказывает, в ответ частенько выслушивает "диагноз": горе от ума. Но кто знает, не лучше ли это, чем счастье в глупости? Во всяком случае, она не боится в который раз осознать, что оказалась на распутье.

"Мне кажется, я все уже сказала...". Или, может быть, не все? ●

Фото Н. САМОЙЛОВА

Культура. — 1998. — 19 февр. — С. 12

312

19.02.98

Demidova Алла